

Сирения

Ирион Зет

ИЗМЕНА ДРАКОНА

Сладкая истинная

Ирион Зет

Измена дракона.

Сладкая истинная.

<https://litres.ru/74207782>

Аннотация

Я попала в другой мир не по своей воле — случайно, вместе с рецептом яблочной пастилы, который считала просто семейным достоянием. Здесь магия повсюду, а я оказалась в центре судьбы двоих: один — властный король-дракон, как огонь, другой — тихий и надёжный, как тёплый хлеб, простой пекарь. Король-дракон назвал меня истинной парой, осыпал золотом и клялся в вечности. А потом я застала его в постели с другой. И мир рухнул. Я сбежала в ночь, без денег, без надежды. Спряталась в пекарне у человека, который не задавал лишних вопросов. Я почти поверила, что спасена. Я думала, что знаю, чего хочу. Но когда сердце разрывалось между страстью и покоем, я поняла: иногда счастье невозможно выбрать. Иногда его приходится... делить.

КНИГА ЯВЛЯЕТСЯ УЧАСТНИЦЕЙ ЛИТМОБА " ТРОПОЮ МИФОВ"

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	44
Глава 10	50
Глава 11	55
Глава 12	59
Глава 13	64
Глава 14	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Пролог

В Королевстве Драконьих Вершин магия была привычной, как восход солнца. Она помогала пекарям выпекать хлеб с идеальной корочкой, садовникам - направлять рост алых роз, а знатым дамам - сохранять молодость кожи. Это была магия удобства, магия повседневности. Никто не ждал от нее откровений.

Сам король-дракон, чья мощь была фундаментом государства, воспринимал магию как инструмент власти. Его огонь мог спалить вражеское войско, а золото - купить лояльность самых строптивых вассалов. Дворцы сверкали, сокровищницы ломились, а придворные интриги текли, как медленная, предсказуемая река. Ничто не предвещало, что течение этой реки изменит не воинская доблесть и не великое заклинание, а нечто совсем простое. Нечто сладкое.

Из далекого мира, где о магии знали лишь из сказок, сквозь тонкую завесу между реальностями просочилась девушка. И вместе с ней - едва уловимый аромат антоновских яблок и сахарной пудры. Она принесла с собой незнание этикета, тоску по дому и странный, ни на что не похожий рецепт яблочной пастилы.

Никто, включая ее саму, не догадывался, что ее пастила обладала особой магией. Не той, что движет предметами или подчиняет стихии, а той, что способна затягивать трещины

на душе. Утешать печаль, усмирять гнев, дарить покой смятенному сердцу. Это была магия, перед которой были равны и король, и простолюдин.

И уж точно никто не мог представить, что именно эта простая кондитерка, чья магия лечила раны, а не наносила их, окажется в самом центре судьбы двух таких разных мужчин - могущественного дракона, привыкшего брать, и доброго пекаря, умевшего дарить. Их история началась не с грохота битв и не с блеска королевского указа, а с едва слышного шелеста пергамента для выпечки и тонкого, сладкого запаха, который сулил исцеление.

Приветствую вас на страницах моей книги. Обещаю, что будет горячо и эмоционально. Не забываем подписаться на автора, положить книгу в библиотеку и поставить звезду. Приятного чтения. Проды вас ждут каждый день!

Глава 1

Адель

Последний поддон с пастилой я отправила в печь, вытерла липкие от яблочного пюре пальцы о передник и с наслаждением выпрямила спину. Кричали каждый позвонок, но это была приятная усталость - усталость мастера, довольного своим трудом. В лавке пахло антоновкой, корицей и теплым сахаром. Это был мой запах, запах дома. Запах, который я сама и создавала изо дня в день.

Я окинула взглядом свою небольшую империю: банки с вареньем, блестящие на полках, аккуратные квадратики пастилы на пергаменте, пыльные мешки с мукой. Все было просто, предсказуемо и безопасно. Слишком безопасно. Иногда, особенно по вечерам, когда лавка пустела, меня охватывало странное чувство. Не то чтобы недовольство. Скорее - тихая, настойчивая тоска по чему-то большему. По страсти, которая была бы острее и жарче, чем пламя в печи. По прикосновениям, которые оставляли бы не просто следы муки на коже, а огненные росчерки. Я представляла себе мужчину, который смотрел бы на меня не как на умелую кондитершу Адель, а как на женщину. Который желал бы меня так же сильно, как я втайне желала этой бури.

Мысли мои прервал странный свет. Он плясал в углу лавки, у полки с засахаренными орехами, - не золотистый, как

от заката, и не белый, как от луны. Он был переливчатым, как масляная пленка на воде, и абсолютно беззвучным. Я замерла, решив, что это просто игра света от фар проезжающей машины, хоть и понимала, что машины не могли проехать в наш тупик.

Свет сгустился, превратившись в сияющий портал. Из него потянуло ветром, пахнущим не выхлопными газами и асфальтом моего города, а чем-то диким - хвойным лесом, озоном после грозы и... горячим камнем. Я сделала шаг назад, сердце заколотилось где-то в горле. Это был не сон. Это было какое-то безумие. И тут же мир поплыл. Пол ушел из-под ног, банки с вареньем расплылись в цветные пятна. Последнее, что я почувствовала, - это запах своих яблок, смешавшийся с чужим, горным воздухом.

Я очнулась от резкого щебета каких-то невиданных птиц. Лежала на чем-то мягком и прохладном - не на своем полу, уставленном поддонами. Я открыла глаза и села, охваченная паникой. Вокруг простирался сад. Но какой сад! Цветы были невероятных, кислотных оттенков, деревья скрюченные, будто сошедшие со страниц сказок, а вдали, за высокими стенами, высились остроконечные крыши замков, сверкающие на солнце, как золото.

Воздух был густым и сладким, с примесью ароматов, которые я не могла опознать: пьянящая пыльца, напоминающая мимозу и медные монеты, и едва уловимый, тревожный шлейф серы. Солнце висело слишком высоко и было слиш-

ком большим, его свет не согревал, а скорее обволакивал, как теплая вода. Каждый лист, каждый лепесток был идеальным, будто вырезанным рукой педантичного ювелира, и от этой безупречности становилось не по себе. Ни единого пятнышка, ни одного увядшего лепестка. Это была не жизнь, а ее искусная, но бездушная копия. Я была в платье, но не в своем простом ситцевом, а в чем-то легком, струящемся, похожем на ночную сорочку. На мне не было передника. Не пахло яблоками. И на запястье вился золотой узор словно вырезанный на коже.

«Где я?» - прошептала я, и голос мой прозвучал чужим и испуганным. Тоска накатила мгновенно, густая и удушающая. Тоска по знакомым запахам, по стуку двери моей лавки, по виду запыленных окон. Но под этой тоской, как подземный ключ, пробивалось другое чувство - острое, колющее любопытство. Что это за место? И что теперь будет?

Я судорожно запустила руку в карман платья- нет, не карман, а какой-то внутренний проем. И нащупала там маленький, твердый кусочек. Я вытащила его. Это был последний квадратик яблочной пастилы, который я, по привычке, спрятала с утра «на перекус».

Дрожащими пальцами я отломила крошечный кусочек и положила на язык. Знакомый вкус - кисло-сладкий, с ноткой ванили - разлился по небу. И случилось странное. Острая паника отступила, сменившись глубокой, почти неестественной ясностью. Да, я была не там, где должна быть. Да,

это было страшно. Но я была жива. Я дышала. И моя пастила была со мной. Это давало какую-то точку опоры в рухнувшем мире.

Я поднялась на ноги, стиснув в ладони заветный кусочек, и сделала шаг навстречу незнакомому саду. Страх никуда не делся, но теперь с ним рядом шло любопытство. Что ждет меня за этими стенами.

Книга является участницей литмоба "Тропой Мифов"

https://litnet.com/shrt/Wt_z

Глава 2

Тардианис

Она была здесь. Магическая нить, что века пульсировала в моей груди тупой, неназванной пустотой, вдруг натянулась, как тетива, и зазвучала. Зазвенела чистым, высоким тоном, от которого содрогнулись самые дальние уголки моей сущности. Истинная пара. Та, что была предназначена мне самой Судьбой.

Я стоял у огромного арочного окна своего кабинета, сжимая в пальцах тяжелый хрустальный бокал с вином, но не видел ни залитых солнцем вершин моих владений, ни клубящихся внизу облаков. Все мое существо было обращено внутрь, на этот зов. Он был подобен первому глотку воды после долгой жажды, о котором я даже забыл, что испытывал ее. Это был не просто зов; это было настройкой всей моей жизни на новый, незнакомый лад. Каждая клетка, каждая капля древней крови в жилах откликалась, вибрировала в унисон с этой новой мелодией, в которой было столько же надежды, сколько и угрозы. Ведь с обретением такой связи я обретал и величайшую уязвимость.

Веками я строил свою империю. Золото, армия, магия - все было подчинено моей воле. Женщины были частью этого порядка. Красивым, приятным, но... рутинным аксессуаром. Ни одна из них не заставляла эту нить внутри меня

даже шелохнуться. Я уже смирился с мыслью, что это всего лишь красивая легенда. И вот она явилась. И в тот миг, когда портал захлопнулся, доставив ее в самое сердце моих земель, все мои тщательно выстроенные планы, все расчеты на ближайшие полстолетия превратились в прах. Теперь существовала лишь одна цель. Одна точка притяжения.

Мой главный маг, старый Зорин, почтительно склонил голову, выводя меня из раздумий. Его лицо, испещренное тайными рунами, которые светились в тени, было бесстрастным, но в глубине древних глаз я читал нескрываемое любопытство. Он, как никто другой, понимал значимость происходящего.

-Ваше Величество, процесс стабилизации завершен. Она находится в Саду Утреннего Спокойствия. Чувствует себя растерянной, но не ранена. Ее аура необычайно чиста. В ней нет ни капли магии, к которой мы привыкли. Это что-то иное. Приземленное и в то же время... - он запнулся, подбирая слово, - ослепительное.

Я кивнул, мои пальцы инстинктивно сжались, и в воздухе на мгновение запахло дымом и раскаленным железом. Чистота. Да, именно этого я и боялся. Именно этого и жаждал. В мире, пропитанном интригами и скрытыми заклинаниями, ее чистота была одновременно и самым ценным ее качеством, и смертельной опасностью.

-Хорошо, - мой голос прозвучал привычно властно, но внутри все пело. - Подготовьте для нее покои в башне Ор-

хидеи. Одежды, украшения, все, что положено будущей королеве. Ни в чем не должно быть недостатка. И, Зорин, - я повернулся к нему, и маг замер. - Ясно дайте понять прислуге: любая оплошность, любой неверный взгляд в ее сторону будут караться так, как будто они оскорбили лично меня.

Зорин удалился, а я наконец отпил вина. Напиток, обычно радовавший меня своим сложным букетом, сегодня показался пустым. Ничто не могло сравниться с тем вкусом ожидания, что теперь жил во мне. Я закрыл глаза, позволяя своему сознанию коснуться ее. Не напрямую - это было бы грубым вторжением, - а легчайшим касанием, словно солнечный луч сквозь листву. Я почувствовал вихрь ее эмоций: леденящий страх, тоску, острую, как клинок, и... да, то самое упрямое любопытство, что заставило ее сделать шаг вперед, в неизвестность. Это был дух воина, запертый в хрупкой оболочке. Мое сердце, огромный, молчавший столетия орган, сжался в груди с непривычной болью.

Я мысленно увидел ее хрупкую фигурку в простом платье, испуганные широкие глаза, цветом напоминающие лесные орехи. В них читалась не только паника, но и огонек. Тот самый, что отличает простую девушку от женщины с сильным духом. Она была иной. Не из нашего мира. Это я чувствовал с первой же секунды. Ее энергия была чужой, чистой, не отягощенной интригами моего двора. Она пахла яблоками, корицей и чем-то теплым, домашним. Этот запах, доносящийся сквозь слои реальности, сводил с ума мою внутреннюю

сущность. Он был символом всего, чего я был лишен: простоты, покоя, настоящего дома.

Во мне проснулось не только удовлетворение охотника, нашедшего долгожданную добычу. Проснулось нечто большее - интерес. Жажда разгадать ее, понять, что за тайны скрываются за этим наивным взглядом. Я привык брать то, что хочу. Но ее... ее я хотел завоевать. Чтобы она сама захотела остаться. Я представлял, как буду снимать с нее слои чужих ожиданий и страхов, как ювелир снимает корку с необработанного алмаза, чтобы раскрыть его истинное сияние. Эта мысль волновала меня сильнее, чем любая военная кампания.

Я поставил бокал и вышел из кабинета. Мои шаги гулко отдавались в мраморных галереях. Придворные почтительно расступались, сгибаясь в поклонах. Их страх и почтение были мне привычны, как воздух. Но сейчас я едва замечал их. Вся моя холодная, подчинившая себе целый мир натура, была сосредоточена на одной-единственной цели. На ней. Я видел, как они перешептываются, ощущал вибрацию их мыслей, полных зависти, страха и расчетов. Весь двор уже знал. И уже начинал выстраивать стратегии, как использовать эту новую слабость своего повелителя. Пусть пытаются. Я сокрошу любого, кто посмеет поднять на нее взгляд с дурными намерениями.

Скоро мы встретимся. И она узнает, что значит быть избранной драконом. Я одарю ее всем, о чем только может меч-

тать женщина. Роскошью, властью, страстью. Я покажу ей, что такое настоящий огонь. Но сначала она должна привыкнуть. Понять, где теперь ее место. Я дам ей время осмотреться, прийти в себя. Пусть поблуждает по саду, пусть ощутит всю пропасть между ее прошлой жизнью и тем будущим, что ждет ее здесь. Пусть почувствует себя одинокой и потерянной, чтобы мое появление стало для нее не угрозой, а спасением. Я был готов ждать.

Я чувствовал, как по моей спине пробежала волна жара, и кожа на мгновение отозвалась легким перламутровым отсветом чешуи. Инстинкт зверя, почуявшего свою пару. Он требовал действия, но разум приказывал ждать. Внутренний дракон рвался на волю, желая взлететь, найти ее и унести в свое логово, чтобы больше никто и никогда не смог на нее посмотреть. Но человек в нем, тот, кто строил империи, понимал: такой путь ведет лишь к страху и ненависти. А мне было нужно нечто большее.

Терпение. Сейчас главное - терпение. Самый сладкий плод стоит того, чтобы дать ему созреть. И когда он упадет в мои руки, я буду уверен, что это - единственно возможный исход. Для нас обоих.

Глава 3

Валериан

Рука сама выводила знакомый узор на присыпанной мукой доске. Месил тесто. Глубоко, ритмично, до тех пор, пока оно не начинало петь под ладонями - тихую, утробную песню, которую слышишь не ушами, а кожей. В пекарне пахло жаром из раскаленного горла печи и теплым, дрожжевым дыханием опары. Это был мой запах. Запах жизни. Он был надежным щитом от всех тревог внешнего мира, густым и плотным, как хороший ржаной каравай. В этом запахе тонули вчерашние заботы и завтрашние тревоги, оставалось только «сейчас» - упругое, послушное тесто, жар печи и удовлетворяющий ритм работы.

Сквозь полуоткрытую дверь доносились утренние голоса города: крики разносчиков, стук колес по булыжнику, смех. Обычный день. Предсказуемый. Я знал его от первого замеса на рассвете до того момента, когда последний каравай уберется с прилавка. Знание это было не в голове, а в мышцах, в спине, ноющей к вечеру, в пальцах, чувствующих упругость теста. Я знал его в лицах постоянных покупателей, с их вечными сплетнями и заказами на праздники, в фигуре почтальона, забегавшего за горячей булкой ровно в восемь, в стайке ребятишек, прилипавших носами к витрине после уроков. Эта предсказуемость была моим фундаментом, мо-

ей крепостью. В ней не было места для чудес, но в ней и не было места для катастроф.

Эльдар, мой подмастерье, влетел в пекарню, запыхавшийся, с румяными щеками от бега.

-Валериан! Ты слышал? Король! Женится!

Лопатка с будущим хлебом замерла у меня в руке на полпути к печи. Я медленно повернулся. Эльдар был молод, и его легко зажигали любые дворцовые слухи, будто искры от печи. Для него король был сказочной фигурой с монет, существом из другого измерения, чья жизнь состояла из одних лишь великих событий.

-У короля всегда есть невеста, Эльдар. Или любовница. Что в этом нового?

-Да нет же! - мальчишка запрыгал на месте, сметая с полки легкое облачко муки. - Говорят, он нашел ее по магии! Истинную пару! Привезли из ниоткуда, она в Садах Утреннего Спокойствия сейчас! Все шепчутся, какая она... простая. И красивая.

Я усмехнулся про себя и отправил хлеб в жар. Простые девушки не становятся женами королей-драконов. Даже если их находит магия. Двор - это клетка с золотыми прутьями. Я видел, как ломаются те, кто попадает в нее, подчиняясь блеску. Их души усыхают, как недопеченный хлеб, оставшийся без пара. Я видел, как однажды дочь соседского трактирщика, выданная за старого графа, вернулась через год - худая, молчаливая, с потухшим взглядом. Ее душа, некогда такая

же шумная и яркая, как витрина отцовского заведения, истлела в чуждой ей атмосфере высоких ожиданий и холодно-го этикета. Нет, простота в стенах дворца долго не живет. Ее либо вытравят, либо сломят.

-Лучше расскажи, донес ли мельник муку, - оборвал я его.
- А то нам к полудню не из чего будет печь.

Эльдар, немного осекшись, закивал и побежал к мешкам. А я остался стоять у печи, глядя на танцующие в ее жерле языки пламени. Истинная пара... Звучало как сказка для детей. У меня своя магия. Магия, что прячется не в древних заклинаниях, а в воде правильной температуры, в точном времени расстойки, в ладони, чувствующей, когда хлебу достаточно. Она давала людям не страсть и не власть, а сытость. Тепло в желудке. Силу для нового дня. Это была настоящая магия. Та, что кормит мир. Она не требовала жертв, не рисовала в воздухе переливчатых порталов. Ее результат был весомым, осязаемым и честным. Разломил буханку - и вот он, смысл твоего труда, твоего утра, твоей жизни. Пахучий, румяный, настоящий.

Я вздохнул и потянулся за новой порцией теста. Оно лежало в квашне, круглое, белое, живое. Я прикрыл глаза, положил на него руки. Не только месил. А успокаивал. Наполнял его тихим обещанием: «Будет хорошо. Станешь пышным и вкусным. Накормишь кого-то, подаришь радость». Мое дыхание сливалось с дыханием теста. И оно отзывалось, становясь послушнее, эластичнее. В этом был весь мой диалог

с миром - безмолвный, но полный смысла. Я отдавал тесту свое тепло, свою энергию, а оно возвращало мне структуру, форму, основу. Мы были соавторами, этот комок дрожжевой массы и я.

Мысль о королевской невесте мелькнула и ушла, как дым в вытяжку. Не мое это дело. Пусть себе играют в свои великие судьбы. У меня своя судьба. Вот она, под моими ладонями. Теплая, простая, настоящая. Моя судьба пахла хлебом, и в ней не было места для девушки из садов с названием вроде «Утреннее Спокойствие». Какое может быть спокойствие утром при дворе? Там, я уверен, с рассветом начиналась вихревая карусель интриг, притворства и скрытой борьбы. Нет уж, мое утреннее спокойствие было здесь, в сизой дымке мучной пыли, в потрескивании дров в печи и в неторопливом, созидательном ритме работы.

Я снова погрузился в ритм: замес, дыхание, жар печи. Предсказуемый, надежный круг. Но почему-то в этот раз в его привычной мелодии прозвучала чужая нота. Легкий диссонанс. словно где-то далеко упало хрустальное яблоко, и звон его докатился и сюда, до моей тихой пекарни. Я отмахнулся от этого чувства. Фантазии. От запаха теста голова кружится. Наверное, это просто усталость накатывает, или давление в печи нужно проверить, или же эти глупые сплетни все-таки задели какое-то потаенное струны внутри, те, что обычно молчат, занятые своим важным, хлебным делом.

«Простая, - пронеслось в голове упрямо. - И красивая».

Я потрянул головой, с силой шлепнул тесто о доску. Нужно было печь хлеб. Обычный, добрый хлеб. В нем было больше правды, чем во всех королевских сказках о истинных па-рах на свете. В его корочке, хрустящей и золотистой, в его мякише, воздушном и пористом, был весь смысл. Простой, насущный, неоспоримый. И пока в городе кто-то говорил о судьбе и магии, я творил свою маленькую, надежную вселен-ную, где главным чудом был запах свежеиспеченного хлеба, разносившийся по утренней улице.

Глава 4

Адель

Мой новый мир оказался позолоченной клеткой. Покои в башне Орхидеи были огромными, воздушными, наполненными такими богатствами, о которых я не могла и мечтать. Шелк, бархат, драгоценности, разложенные на туалетном столике, словно конфеты. У каждой вещи было свое место, каждый предмет служил напоминанием о моем новом статусе. Будущая королева. Слова, от которых сводило желудок.

Меня окружала свита фрейлин - быстрых, молчаливых, с идеальными прическами. Они одевали меня, причесывали, учили бесконечным правилам этикета. Как сидеть. Как кланяться. Каким тоном говорить с кем-то ниже рангом (оказывается, почти все были ниже меня). Их прикосновения были ловкими, но холодными, как отполированный мрамор пола. Они были похожи на изящных манекенов, чьи души были вынуты и заменены на инструкции, написанные каллиграфическим почерком. Даже их улыбки, редкие и скупые, были частью униформы, лишённые малейшего намека на искренность. В их глазах я читала не интерес, а лишь оценку - насколько хорошо я вписываюсь в предназначенную мне роль живого символа.

- Ваше Высочество, извольте держать спину прямее.

- Ваше Высочество, не следует смотреть прямо в глаза королю, это признак дерзости.

- Ваше Высочество, ваши руки... они выдают в вас простолюдинку. Надо скрыть следы труда.

Мои руки. Я смотрела на них, утопая в кружевных манжетах. Больше не пахнувшие яблоками и тестом, ухоженные, с гладкими ногтями, с той самой золотой печатью принадлежности на запястье. Они казались чужими. Мне снились мои запахи - муки, корицы, жженого сахара. Здесь же пахло только ладаном, воском и холодным камнем. Этот холодный камень был повсюду - он впитывал в себя все звуки, превращая жизнь дворца в подобие изысканной пантомимы. Шепот шагов по длинным коридорам, отдаленный звон оружия караула, доносящийся со стен, приглушенный перезвон колоколов с часовни - все это было частью огромного, бесстрастного механизма, в который я стала новой, не до конца подогнанной шестеренкой. И только он, Тардианис, был в этом ледяном великолепии источником огня.

Наши встречи были редкими, продуманными, как и все здесь. Он появлялся внезапно, и воздух вокруг мгновенно менялся, становился гуще, заряженным. Его присутствие было физическим ощущением - волна тепла, идущая от кожи, тяжелый, властный взгляд, который, кажется, видел меня насквозь. В эти мгновения позолоченная клетка как будто ненадолго растворялась, и я чувствовала не принца, не будущего короля, а мужчину, чья воля была тем самым це-

ментом, что скреплял каменные громады этого мира. Он был живым воплощением власти, которая до этого казалась мне абстрактным понятием, сводом древних законов и традиций.

Сегодня он пришел ко мне после уроков с танцмейстером. Я стояла, вымученно прямая, посреди зала, пытаюсь запомнить очередной поклон. Он вошел без стука, и фрейлины бесшумно растворились, как испуганные мыши. Тишина, воцарившаяся после их ухода, была оглушительной. Она звенела в ушах, и сквозь этот звон доносилось лишь биение моего собственного сердца, внезапно сорвавшегося с привычного ритма и застучавшего где-то в горле.

- Устала? - его голос был низким, бархатным, он обволакивал, как теплое вино.

Я только кивнула, не решаясь поднять глаза. Слова застревали комом, и я боялась, что если открою рот, вырвется что-то неуместное, какая-нибудь жалоба или, что хуже, глупая шутка, рожденная от нервного напряжения.

- Эти церемонии... они сковывают.

Он приблизился. Я чувствовала тепло его тела, доносившееся сквозь тонкую ткань его одежд. Пахло им - дымом, дорогим алкоголем и чем-то диким, звериным. Он медленно, почти невесомо, провел пальцами по моей щеке, заставив меня вздрогнуть. Это прикосновение было настолько отличным от всего, что я знала, - ни холодного мрамора фрейлин, ни грубоватой ласки отца. Оно было намеренным, изучающим, словно он читал историю моей жизни, просто касаясь

кожи.

- Правила созданы для тех, кто боится показаться слабым, - прошептал он так, что его губы почти касались моего уха. Мурашки побежали по спине. - Сильные сами создают правила, Адель.

Он взял мою руку - ту самую, что «выдавала во мне проститутку» - и поднес к своим губам. Поцелуй был легким, но жгучим, будто он оставил на коже невидимый след. Это был не просто жест галантности, это было заявление, вызов, брошенный в лицо всем тем безликим наставлениям, что я слышала целыми днями. В этом одном прикосновении было больше истины, чем во всех часах уроков.

-Твои руки прекрасны. В них сила. Не позволяй никому говорить тебе обратное.

Во мне все перевернулось. Это была первая искренняя, не связанная с этикетом ласка с тех пор, как я попала сюда. В его словах не было снисхождения. Было... восхищение. Желание. И что-то еще, чего я не могла понять, некая тень, скрывающаяся в глубине его взгляда, обещающая не только покой, но и бурю. Он видел не просто будущую королеву, он видел ту девушку из пекарни, с руками в муке, и почему-то именно это в его глазах имело ценность.

Он не спеша обвел пальцами мое запястье, его большой палец водил по нежной коже, по узору выбора, по внутренней стороне, и я чувствовала, как учащается мое дыхание, как кровь приливает к щекам. Он наклонился ближе, и его

дыхание смешалось с моим. Мир сузился до точки этого прикосновения, до гула в крови, до его запаха, который теперь казался мне единственно настоящим.

- Скоро ты ко всему привыкнешь, - сказал он, и в его глазах плясали золотые искры. - А пока... позволь мне быть твоим проводником.

Он отпустил мою руку, но жар от его прикосновений остался. Когда он ушел, я стояла, все еще чувствуя на щеке призрак его пальцев, а на запястье - жгучую память его поцелуя. Вернувшись в свои покои, я дрожащей рукой положила виноградину, находившуюся на подносе с фруктами. Положила на язык. Сладкий вкус успокоил дрожь в коленях, но не смог погасить новый, тлеющий внутри огонь. Огонь, который разжег он.

В голове крутилась одна мысль, одновременно пугающая и пьянящая: а что, если эта клетка может стать домом? Если этот мощный, опасный дракон может стать не тюремщиком, а тем самым мужчиной, о буре с которым я так наивно мечтала в своей лавке? Я боялась этой мысли. Но еще больше я боялась ее потерять.

Глава 5

Тардианис

Комната была погружена в полумрак, освещенная лишь отблесками луны на мраморном полу и алым светом от камина. Воздух был густым, пропитанным ароматом ее кожи - сладким и возбуждающим, как самый редкий наркотик. Она стояла передо мной в тонком шелковом одеянии, и сквозь ткань угадывались очертания ее тела. Дрожала. Прелестная, наивная дрожь дикарки, впервые попавшей в логово зверя. Этот трепет был для меня музыкой, более сладкой, чем все симфонии моих придворных композиторов. В нем была правда, та самая, которую я давно вытравливал из своей жизни, окружая себя сталью, камнем и ледяной учтивостью. Она была живой, трепещущей плотью, заблудившейся в каменном сердце моей империи, и я намеревался сделать ее своим самым сокровенным трофеем.

Я медленно подошел к ней, давая ей время привыкнуть к моей близости, к жару, исходящему от моего тела. Я видел, как вздымается ее грудь, как расширяются зрачки. Страх в ее глазах смешивался с любопытством. Хорошо. Этот миг, эта пограничная грань между желанием и ужасом, была тем, ради чего я ее привел сюда. Не для грубого взятия, а для медленного, неотвратимого падения, в котором ее невинность должна была раствориться, уступив место чему-то бо-

лее темному и настоящему. Я наблюдал, как в ее душе борются приличия, вбитые за недели тренировок, и первобытный зов, который мое присутствие пробуждало в ее крови. И я знал, что победит зов.

- Ничего не бойся, - мои слова прозвучали тихим командованием. Я коснулся ее щеки, провел пальцем по линии скулы к подбородку, заставив ее вздрогнуть. Ее кожа была такой нежной, почти хрупкой. Подушечки моих пальцев помнили шрамы от меча и грубую фактуру древних артефактов, но прикосновение к ней стирало всю эту память, оставляя лишь ослепительное настоящее. Она была как пергаментный свиток, на котором еще не написана ни одна летопись, и я жаждал стать ее летописцем, ее единственным и неповторимым автором.

Я не стал медлить. Время для нежностей было позади. Я притянул ее к себе, ощутив всем телом ее хрупкость. Мои губы нашли ее губы - сначала мягко, пробуя, а затем с нарастающей силой. Она ответила неуверенно, робко. Это только разожгло меня. Ее неопытность была не препятствием, а пряностью, делающей момент еще более острым. Я пил ее дыхание, вкус был с примесью чего-то нового, исключительно моего - страха и пробуждающегося влечения.

Я снял с нее одежду, мои движения были быстрыми и точными. Она замерла передо мной, прекрасная в своей нагоде. Я провел ладонью по ее шее, плечам, скользнул вниз, к упругой груди. Она ахнула, когда мой палец коснулся ее сос-

ка, и он тут же набух под моим прикосновением. Ее тело было картой неизведанных земель, и я был одержимым картографом, жаждущим нанести на нее свои метки. Каждый ее вздох, каждый мускул, напрягшийся под моей ладонью, был для меня откровением. В этом хрупком сосуде из плоти и костей заключалась сила, способная низвергнуть династии, но в этот миг она принадлежала только мне.

Я уложил ее на огромную кровать, ее светлые волосы рассыпались по темному шелку. Я покрывал ее тело поцелуями, ласкал губами и языком, заставляя ее стонать. Сначала тихо, с испугом, потом все смелее. Ее руки вцепились в мои плечи. Я чувствовал, как ее первоначальный страх постепенно таял, как лед под южным солнцем, уступая место чему-то более горячему и влажному - настоящей, неподдельной страсти. Я растравлял эту страсть, как опытный садовник, ухаживающий за капризным, но прекрасным цветком, зная, какой именно полив и солнечный свет заставят его распуститься именно для меня.

- Тардианис... - прошептала она, и в ее голосе была мольба.

Я вошел в нее одним мощным движением. Она вскрикнула от неожиданности, ее ногти впились мне в спину. Я дал ей привыкнуть, ощутить меня внутри, заполняющего ее полностью. А затем начал двигаться. Медленно, глубоко, выверая каждый толчок, чтобы доставить ей максимальное наслаждение.

Я наблюдал за сменой выражений на ее лице - от боли и растерянности к удивлению, а затем к робкому, но нарастающему восторгу. Ее тело постепенно открывалось мне, отвечая страстью на страсть. Ее стоны становились громче, увереннее. Она уже не боялась, она жила этим. Ее ноги обвились вокруг моих бедер, притягивая меня глубже. Я чувствовал, как ее внутренние мышцы сжимаются вокруг меня, и это свело меня с ума. В этот момент она перестала быть простой девушкой, будущей королевой или даже моей невестой. Она стала частью моего естества, тем самым недостающим элементом, который я, сам того не ведая, искал все эти долгие, утомительные годы власти.

Я перевернул ее, войдя в нее сзади, и это вызвало новый виток стонов. Мои руки сжимали ее бедра, направляя ее движения в такт моим. Жар между нами был невыносимым. В комнате стоял запах секса и ее волос. Мир сузился до размера этой кровати, до точки нашего соединения, до звуков нашего дыхания. Все остальное - интриги двора, угрозы на границах, бремя короны - потеряло всякий смысл. Существовало только это. Только она. Только мы.

Когда ее тело затряслось в финальной судороге, я позволил себе потерять контроль. Я излился в нее с низким рыком, в котором звучало удовлетворение хищника. Но в этом рыке была не только победа, не только триумф обладания. В нем было облегчение. Как если бы я, наконец, после столетий скитаний, нашел ту самую гавань, о существовании ко-

торой даже не подозревал.

Мы лежали рядом, тяжело дыша. Я притянул ее к себе, чувствуя, как ее сердце колотится о мою грудь. Она прижалась ко мне, вся влажная и покорная. Я провел рукой по ее спине.

- Теперь ты моя, - прошептал я ей в волосы. - Полностью.

Она не ответила. Просто прижалась еще сильнее. И в этой покорности я почувствовал не рабскую покорность, а начало чего-то нового. Начало ее любви.

Впервые за долгие века я чувствовал не просто удовлетворение от обладания. Я чувствовал... полноту. Эта хрупкая девушка из другого мира заполнила пустоту, о которой я уже забыл. И я знал - назад пути нет.

Глава 6

Валериан

Раннее утро было самым честным временем суток. Город еще спал, улицы пустовали, и только в моей пекарне началась жизнь. Я привык просыпаться затемно, когда за окном еще виднелись самые яркие звезды. Первый вдох всегда был самым глубоким - воздух, еще не успевший пропитаться запахами улицы, был наполнен ароматом дрожжей и муки. Моими запахами.

Я развязал горловину большого холщового мешка. Белая пыль взметнулась в воздух, и я на мгновение закрыл глаза, вдыхая знакомую пыльцу. Мука оседала на ресницах, на темной щетине на щеках. Я насыпал горку в широкое деревянное корыто, сделал углубление в центре. Воду я всегда подготавливал с вечера - она должна была быть определенной температуры, чуть теплее комнатной. Не горячей и не холодной. Терпение - вот главный секрет хорошего теста. Не сила, а именно терпение.

Я влил воду в муку, добавил опару, которую поставил еще вчера вечером. Она пузырилась, была живой и активной. Мои пальцы погрузились в липкую, прохладную массу. Первые минуты замеса были хаотичными - мука, вода и опара смешивались в нечто бесформенное. Но я не торопился. Я знал ритм.

Мои ладони, сильные и узловатые от многолетней работы, сжимали и растягивали тесто. Я переносил вес тела с ноги на ногу, двигаясь в такт, который знал лучше любого танца. Это был танец пекаря. В такт этому движению мои мысли успокаивались, расставлялись по полочкам. Вчерашние тревоги, разговоры, слухи - все это отступало, уступая место простому, ясному действию: меси.

Я не просто давил на тесто. Я чувствовал его. Чувствовал, как клейковина натягивается, как масса из липкой и рыхлой становится упругой и эластичной. Это была моя магия. Не та, о которой кричат на площадях и которой пугают детей. Моя магия была тихой, как утренний рассвет. Она была в тепле моих рук, в точном знании момента, когда нужно остановиться. Я мог чувствовать, как дрожжи начинают свою невидимую работу, и посылал им мысленное благословение: работайте, друзья, дайте нам сегодня хороший, пышный хлеб.

Эльдар, мой подмастерье, пришел, когда я уже заканчивал первый замес. Он влетел, как всегда, с шумом и грохотом, с покрасневшими от утреннего холода щеками.

-Валериан! Доброе утро! Что сегодня будем ставить? Каравай? Булки с изюмом? - его энергичность по утрам была одновременно утомительной и заразной.

- Сначала простой каравай, - ответил я, откладывая тесто для расстойки и накрывая его чистой влажной тканью. - Основа основ. А там посмотрим, как пойдет.

Пока Эльдар растапливал печь, подбрасывая внутрь тол-

стые поленья, я готовил следующие порции. Работа шла своим чередом. Но сегодня в привычный ритм вкрадывалась чужая нота. Мысли возвращались к вчерашним разговорам. К королю. К его невесте. «Простая, - сказал Эльдар. - И красивая».

Я отмахнулся от этих мыслей, как от назойливой мухи. Какое мне дело до королевских невест? Моя жизнь была здесь, в четырех стенах этой пекарни, засыпанных мукой. Моя судьба - в этих квашнях с тестом, в жаркой печи, в довольных лицах людей, покупающих у меня свежий хлеб.

Я взял новый кусок теста, более сдобный, для булок. Добавил масла, яиц, сахара. Замешивал его дольше и нежнее. Это тесто было капризнее, требовало больше ласки. Я растирал его между ладонями, растягивал, складывал. Оно поддавалось, становясь шелковистым и гладким.

- Эльдар, - позвал я. - Иди сюда.

Парень подбежал, вытирая руки о фартук.

- Вот, - я протянул ему кусок теста. - Помни, я учил? Не дави, а гладь. Как испуганного котенка. Пусть чувствует теплые руки, а не грубую силу.

Эльдар сосредоточенно взял тесто, стал его мять. Слишком резко, слишком сильно.

- Тише, - поправил я его. - Ты же не на мельнице жернова крутишь. Ты жизнь в него вкладываешь. Каждый кусок хлеба должен чувствовать, что его любят.

Я улыбнулся своим мыслям. Звучало, конечно, глупо.

«Любить тесто». Но я верил в это. Я верил, что в хлеб переходит часть души пекаря. Его настроение, его покой, его ясные мысли. Злой или торопливый пекарь никогда не сделает по-настоящему хорошего хлеба. Его хлеб будет пустым внутри, как и его душа.

Мы работали несколько часов почти в полном молчании, если не считать моих редких указаний Эльдару и его вопросов. Пекарня наполнялась новыми запахами - запахом поджаривающейся корочки, тающего масла, сладкого изюма. Первые караваи, золотистые и упругие, я вынимал из печи длинной деревянной лопатой. Они густо пыхтели паром, и этот звук был для меня музыкой.

Я разрезал один каравай, еще горячий. Мякиш внутри был пористым, воздушным, идеальным. Я отломил горбушку, посыпал солью и протянул Эльдару.

-На, заслужил.

Мы стояли и ели свежий, душистый хлеб, глядя, как за окном просыпается город. Появились первые прохожие, зазвенел колокол на ближайшей часовне. Обычное утро. Предсказуемое. Надежное.

И все же это чувство беспокойства не уходило. Оно сидело где-то глубоко внутри, под грудой повседневных забот, как заноза. Словно далекий звон разбитого стекла, который слышен только тебе.

Я вышел на порог пекарни, вдохнул свежий утренний воздух. Где-то там, за высокими стенами дворца, была девушка.

Простая. Из другого мира. И ее судьба теперь была связана с судьбой всего королевства. С моей судьбой? Нет, конечно. Моя судьба была здесь.

Я повернулся и пошел обратно, к своим квашням, к своему тесту. К своему простому, честному хлебу. В нем было больше правды, чем во всех дворцовых интригах. Я был в этом уверен. Но почему-то, глядя на облако пара, поднимавшееся от свежего каравая, я представил себе незнакомое лицо. И почувствовал странное, щемящее чувство тоски по чему-то, чего у меня никогда не было.

Глава 7

Адель

Солнце в Садах Утреннего Спокойствия было ласковым, не таким палящим, как в моем мире. Оно пробивалось сквозь листву диковинных деревьев с лиловыми листьями, отбрасывая на мраморные дорожки причудливые узоры. Фрейлины следовали за мной на почтительном расстоянии, их шепот сливался с шелестом листьев. Они были моими тенью, моими хранительницами и моей тюрьмой. Но сегодня их присутствие почти не раздражало. Все потому, что он был здесь.

Тардианис шел рядом со мной, и его мощная фигура, облаченная в темные, простые одежды, казалось, поглощала все пространство вокруг. Воздух звенел от его близости. После той ночи все изменилось. Страх никуда не делся, но он приобрел новый оттенок - острый, сладкий, почти наркотический. Страх и желание переплелись в один клубок у меня в груди.

Он не говорил ни о церемониях, ни об этикете. Он рассказывал мне о саде.

- Это дерево, - он указал на растение с серебристой корой и синими, похожими на колокольчики, цветами, - поет при лунном свете. А вон то, - его палец переместился на гигантский куст с алыми ягодами, - его плоды могут усыпить слона

на сутки. Не советую пробовать.

Он улыбнулся, и в уголках его глаз собрались лучики морщинок. Эта улыбка делала его моложе, почти беззащитным. Таким я его еще не видела. Таким его, я подозревала, не видел никто.

Мы дошли до небольшого грота, скрытого завесой струящейся воды. Внутри пещеры было прохладно и тихо, только шум водопада заглушал все остальное. Тардианис обернулся к фрейлинам.

-Оставьте нас.

Они молча склонились и исчезли так же бесшумно, как и появились. Мы остались одни. Сердце забилося у меня в горле. Он шагнул ко мне, отрезая путь к отступлению. Его глаза сияли в полумраке пещеры, и в них не было ни капли прежней холодности. Только жар. Жар, который я уже узнала.

- Тебе нравится здесь? - спросил он тихо, его голос низко вибрировал, заглушая шум воды.

Я могла только кивнуть, слова застряли в горле. Он прикоснулся к моей щеке, провел большим пальцем по линии скулы. Его прикосновение было одновременно нежным и властным.

-Ты не должна бояться меня, Адель. Никогда.

- Я не боюсь, - выдохнула я, и сама удивилась своей смелости. Вернее, это была не смелость. Это была правда. В этот момент я действительно не боялась. Я ждала.

Его губы тронули мои. Сначала легко, почти несмело, как

будто он боялся меня спугнуть. Но это длилось лишь мгновение. Страсть, которую он сдерживал, прорвалась наружу. Его поцелуй стал глубже, настойчивее, требовательным. Он притянул меня к себе так сильно, что наши тела слились воедино. Я чувствовала каждый мускул его торса, твердость его бедер, прижатых к моим. Его руки скользнули по моей спине, прижимая меня еще ближе, и я ответила на его поцелуй с такой яростью, о которой не подозревала в себе.

Когда мы наконец оторвались друг от друга, чтобы перевести дыхание, он не отпустил меня. Его губы перешли на мою шею, оставляя на коже влажные, горячие следы. Он откинул мою голову назад, и его зубы слегка коснулись чувствительной кожи у ключицы. Я вскрикнула от неожиданного удовольствия, и мои пальцы впились в его волосы.

- Я не могу думать ни о чем, кроме тебя, - прошептал он мне в ухо, и его дыхание обожгло меня. - Ты свела меня с ума. Твоя невинность, твоя страсть... Все в тебе сводит меня с ума.

Его рука скользнула между наших тел и легла на мою грудь. Через тонкую ткань платья он ласкал мою грудь, его пальцы находили напряженный сосок и играли с ним, заставляя меня стонать. Я прижималась к нему, чувствуя, как его возбуждение давит на мой лобок. Вся я, все мое существо плавилось от этого прикосновения.

Он медленно, не отпуская меня губами, стал опускаться на колени передо мной. Его руки скользнули по моим бед-

рам, поднимая подол платья. Прохладный воздух пещеры коснулся моей оголенной кожи. Я задрожала, но не от холода. От ожидания.

- Я хочу снова вкусить тебя, - его голос был хриплым от желания. - Всю.

Он приник губами к самой сокровенной части меня, и мир перевернулся. Я вскрикнула, опираясь руками на его плечи, чтобы не упасть. Его язык был искусным и настойчивым. Он не просто ласкал меня - он исследовал, находил самые чувствительные места и заставлял их петь. Я теряла голову, мои стоны эхом разносились под сводами грота, смешиваясь с рокотом водопада. Мое тело больше не слушалось меня, оно было во власти его рта, его языка, его жгучих прикосновений.

Он довел меня до края, заставил кричать в экстазе, а потом поднялся и снова прижал к себе. В его глазах бушевал огонь.

-Я не могу ждать, - простонал он, расстегивая штаны. - Я должен быть внутри тебя. Сейчас же.

Он поднял меня, посадил на выступ скалы, покрытый мягким мхом, и вошел в меня одним резким, глубоким движением. Я обвила его ногами, впилась пальцами в его спину. Он двигался с животной, неконтролируемой силой, и каждый его толчок отзывался во мне волной удовольствия. Он говорил мне на ухо грязные, пылкие слова, и они зажигали меня еще сильнее. Я встречала его толчки, подчиняясь пер-

вобытному ритму, который диктовало наше тело.

Когда мы оба достигли пика, он издал низкий, гортанный крик. Мы замерли, тяжело дыша, прижимаясь друг к другу в прохладе пещеры. Он не отпускал меня, его губы касались моего лба, моих век.

-Ты видишь? - прошептал он. - Это - и есть твое место. Со мной.

И я, запрокинув голову, глядя на переливы света на потолке грота, почти поверила ему. В этот момент, пахнувшая им, им же заполненная, я почти могла забыть, что я - пленница в золотой клетке. Потому что в его объятиях я чувствовала себя не пленницей, а женщиной. Женщиной, которую желают так сильно, что готовы ради нее на все.

Он был прав. Это было опасно. Это было прекрасно. И я уже не могла представить себя без этого.

Глава 8

Тардианис

Она была повсюду. Ее образ вставал передо мной, когда я закрывал глаза - раскрасневшаяся, с растрепанными волосами, с глазами, полными страсти и удивления от собственной смелости. После нашего соития в гроте она стала навязчивой идеей. Приятной, но навязчивой.

Я сидел за столом, разбирая донесения от управителей провинций. Цифры, отчеты, просьбы о снижении налогов - все это было важно, но сегодня казалось невыразимо скучным. Пальцы сами потянулись к графину с выдержанным виски. Я налил себе порцию, залпом выпил. Огонь распространился по груди, но не смог выжечь из памяти ее стоны.

Она была... неожиданной. Я ожидал страха, покорности, может быть, подобоострастия. Но в ней оказалась искра. Дикая, неограниченная, но настоящая. Когда она впивалась ногтями мне в спину и отвечала на мои поцелуи, я чувствовал не просто удовлетворение от обладания. Я чувствовал вызов. И это возбуждало больше, чем любая искусственная страсть придворных дам.

Дверь в кабинет бесшумно открылась. Я узнал легкие шаги, даже не оборачиваясь. Лилиан. Моя официальная любовница. Вернее, та, что исполняла эти обязанности последние несколько лет. Она подошла ко мне сзади, ее тонкие паль-

цы легли мне на плечи, принялись разминать напряженные мышцы.

- Ты сегодня какой-то напряженный, мой повелитель, - ее голос был сладким, как мед, и таким же прилипчивым. - Тебя беспокоят дела королевства? Или, может, что-то... другое?

Ее руки скользнули вниз, по моей груди. Я не ответил. Просто наблюдал за ее отражением в темном стекле окна. Идеальные черты лица, безупречная прическа, дорогое платье, подчеркивающее ее соблазнительные формы. Лилиан была красива. Искусно красива, как драгоценная кукла. Когда-то это меня забавляло. Сейчас ее прикосновения оставляли меня равнодушным. Она наклонилась, ее губы коснулись моего уха.

-Может, я смогу помочь тебе расслабиться? - прошептала она, и ее пальцы начали расстегивать пряжку моего пояса.

Обычно на этом месте я бы перевернул ее, прижал к столу и взял бы ее с той же страстью, с какой брал Адель. Но сегодня что-то внутри воспротивилось. Ее запах - тяжелый, цветочный, нарочитый - резал обоняние после легкого, натурального аромата Адель. Ее прикосновения казались выученными, техничными, лишенными той искренности, которая была в дрожащих пальцах моей невесты. Я мягко, но твердо отстранил ее руки.

-Не сейчас, Лилиан.

Она замерла, удивленная. За все эти годы я никогда не отказывал ей. Ее красивое лицо исказила обида.

-Что случилось? Это из-за нее? Из-за этой... простолюдинки из ниоткуда? - в ее голосе прозвучала ядовитая нотка.

Я медленно повернулся к ней. Мой взгляд должен был быть достаточным предупреждением. Она отступила на шаг, слегка побледнев.

-Ты забываешься, - сказал я тихо, но так, чтобы каждое слово врезалось в ее память. - Твое положение при дворе не дает тебе права обсуждать мою будущую королеву.

- Но, Тардианис... - она попыталась подойти снова, с мольбой в глазах. - Мы же... все это время... Я думала...

- Ты не должна была думать, - отрезал я. - Ты должна была исполнять свои обязанности. И не более того.

Я видел, как в ее глазах блеснули слезы. Искренние? Или это была еще одна уловка? Мне было все равно. Тело Лилиан было знакомым, но оно больше не вызывало отклика. Оно было просто телом. Красивой, но бездушной оболочкой.

- Уходи, Лилиан, - я повернулся к окну, снова наливая виски. - Мне нужно работать.

Она постояла еще мгновение, а затем я услышал, как дверь за ней закрылась. Я снова подумал об Адель. О ее широко раскрытых глазах, полных доверия и страха. О том, как она прижималась ко мне после, вся дрожащая и влажная. Она отдалась мне полностью, без остатка. А что дал я ей? Золото? Одежды? Статус? Это было ничто по сравнению с ее даром.

Мысль была непривычной и тревожащей. С тех пор как я

стал королем, я только брал. Это был естественный порядок вещей. Но с ней... с ней я почувствовал желание давать. Не подарки, а что-то большее. Ее наивная вера в то, что я могу быть не только королем, но и просто мужчиной, тронула что-то глубоко внутри, под грудой власти и цинизма.

Я допил вино и отправился в ее покои. Она сидела у окна, склонившись над каким-то шитьем - еще одним придворным уроком. Увидев меня, она улыбнулась, и эта улыбка осветила всю комнату. В ней не было ни капли подострастия или страха. Была лишь радость.

- Тардианис! - она встала, отложив работу. - Все хорошо? - спросила она, уловив, должно быть, какое-то напряжение на моем лице.

- Все хорошо, - ответил я искренне. Потому что, глядя на нее, так оно и было. - Я просто хотел тебя видеть.

И это была правда. Я притянул ее к себе и поцеловал. Она ответила мне с той же нежностью. Адель... Адель была необходимостью. Как воздух. Как вода. И это осознание было одновременно пугающим и пьянящим.

Я знал, что не смогу отказаться от привычек сразу. Двор жил по своим законам, и любовница была частью моего статуса. Но теперь это будет просто формальность. Пустая трата времени. Истина была здесь, в моих объятиях. И я не собирался ее отпускать.

Глава 9

Валериан

В пекарне пахло жаром и дрожжами - запах, который был мне роднее любого другого. Он был словно вплетен в самую ткань моей жизни, теплый, плотный, утробный, обещающий сытость и покой. Я выгружал из пышущего жаром чрева печи очередную партию хлеба, и золотистые, упругие караваи, похожие на застывшие солнечные диски, ложились на деревянную столешницу, пышно дыша паром, источая тот самый священный дух жизни, что поднимается от хорошо сделанной работы. Работа шла своим чередом, механически, почти без участия мысли. А мысли мои были далеко, уносясь за толстые каменные стены, через мостовые, вымощенные булыжником, вверх, к тому сияющему и холодному замку на холме.

Слухи о королевской невесте не утихали. Напротив, они обрастали новыми диковинными деталями, становясь все невероятнее, словно сказка, которую пересказывают снова и снова, каждый раз добавляя новую жемчужину вымысла. Говорили, что она явилась в сияющем коконе из звездной пыли. Что она не умеет говорить на нашем языке и общается лишь песнями, похожими на журчание ручья. Что у нее фиалковые глаза, способные видеть судьбы, и волосы цвета лунного света, в которых запутываются сны. Эльдар, мой

юный, восторженный подмастерье, с упоением пересказывал эти нелепицы каждый день, пока мы месили тесто, его глаза горели от возбуждения, а руки в муке размахивались, словно он замешивал не булки, а саму эту волшебную историю.

Я обычно отмахивался от них, как от назойливых мух, сосредотачиваясь на точном количестве муки, на температуре воды, на той тихой, строгой магии, что превращает разрозненные зерна в единое, дышащее тесто. Но сегодня что-то изменилось в самом воздухе. В пекарню, позванивая колокольчиком над дверью, зашла старая Матильда, которая торговала на площади овощами. Она была женщиной трезвой, приземленной, не склонной к выдумкам, пахшая землей и зеленым, и ее слова имели вес простой, неоспоримой правды.

- Видела ее вчера, - сказала Матильда, привычным жестом выбирая булку с тмином. - В дворцовых садах гуляла. Король с ней. Близо не подойдешь, стража, но разглядеть можно.

Я сделал вид, что проверяю готовность хлеба, тыча в него длинной тонкой спицей, ощущая, как корка с хрустом поддается острию. Внутри было пусто и сухо, но в груди, наоборот, все сжалось в тугую, тревожный комок.

- Ну и? Какова она, эта диковинка? - спросил я.

- Красивая, - после паузы признала Матильда, рассматривая булку. - Но не королевской кровью пахнет. Простая. Словно одна из наших. Глаза умные, но грустные, большие, слишком большие для ее бледного лица. Идет, а сама по сторонам смотрит, будто ищет что-то знакомое, как птенец, вы-

павший из гнезда. Жалко ее, чего уж. Искренне жалко.

«Жалко ее». Эти слова, тихо сказанные, засели у меня в голове, как острая заноза, впиваясь в самое нутро. Почему жалко? Она же стала королевой! Взошла на самую вершину, о которой простолюдинка не может и мечтать. Жених - сам Тардианис, могущественный и прекрасный, как ночь, полная звезд. Какая же тут жалость? Какое может быть сострадание к той, кто обрела все?

Но я, к своему удивлению, понимал, что имела в виду Матильда. Я никогда не бывал при дворе, но мне хватало разговоров купцов и солдат, забегавших за хлебом. Двор - не место для простых, честных душ. Это улей, где жалят не только явно, но и исподтишка, где сжирают и не таких, перемалывая в прах чужие судьбы ради прихоти или власти. А если судить по словам Матильды, эта девушка была простой вдвойне - и по происхождению, и, видимо, по характеру, по той незащищенности, что сквозила в каждом ее жесте.

Я представил ее с пугающей четкостью: большие, грустные глаза, полные тоски и недоумения, неуверенная походка по скрипучему гравию садовых дорожек, роскошные, расшитые серебром одежды, которые сидят на ней как чужое, неудобное платье, тяжелея на плечах невесомым грузом чужой жизни.

И почему-то сердце мое сжалось, не от зависти или осуждения, а от чего-то другого, глубокого и почти забытого. От желания... защитить. Оградить. Смешная, нелепая мысль.

Как я, простой пекарь, засыпанный мукой, с руками, грубыми от работы, могу защитить королевскую невесту от ядовитых языков и тонких дворцовых интриг? Да она и знать меня не будет, не взглянет никогда в сторону этой дымящейся пекарни на окраине.

Я с силой шлепнул новый ком теста на присыпанный мукой стол. Белая пыль взметнулась облаком, оседая на ресницах и на темном дереве прилавка. Эльдар прыснул со смеху, показывая белые зубы.

- Валериан, ты чего это? Тесто тебя обидело? Отомстил, да?

Я не ответил. Просто с удвоенной, слепой яростью начал месить эту мягкую, податливую массу. Я вкладывал в нее всю свою непонятную досаду, всю смутную тревогу, всю ту щемящую боль, что возникла из ниоткуда. А тесто поддавалось, рождалось заново под моими ладонями, становилось упругим, живым и послушным. В этом был свой, древний ритуал, своя, простая магия. Превращать хаос собственных чувств в нечто простое, понятное и необходимое - в хороший, душистый хлеб. Это было единственное заклинание, что я знал.

Днем, когда основная работа была закончена и печь немного остыла, я вышел во двор, вытирая руки о запыленный фартук. Моя пекарня стояла на самой окраине города, и из двора, заросшего лопухами и ромашками, был виден дворец на вершине холма. Он сверкал на солнце белоснежным мрамором и золотом шпилей, огромный, неприступный

и чужой. За его высокими стенами, в лабиринте роскошных покоев, сейчас была она. Та самая девушка с грустными глазами, которую я никогда не видел, но которую уже почему-то ощущал.

Я сорвал с кривой ветки спелое, румяное яблоко. Наш сорт, местный, ничем не примечательный, но свой. Я откусил. Кисло-сладкий, терпкий сок наполнил рот, стекая по подбородку. Простое, земное удовольствие. То, чего, возможно, была навсегда лишена она сейчас, среди стерильной дворцовой роскоши, среди яств, которые, наверное, и на вкус были иными - холодными и бездушными.

И вдруг, с абсолютной, ослепляющей ясностью, я понял, что ее судьба почему-то важна для меня. Не как для верного подданного, беспокоящегося о будущем трона, а как... я даже не знал, как. Будто тонкая, невидимая ниточка протянулась от моего натруженного сердца к тому сияющему дворцу на холме, и по этой нити текла тихая, непрерывная боль. Смешно. Глупо. Безумно. Но от этого навязчивого ощущения было не избавиться, как не избавиться от собственной тени.

Вечером, когда Эльдар, насвистывая, ушел и пекарня опустела, я остался один в наступающих сумерках. Присел на грубую лавку у потухающей печи, от которой еще веяло ровным, сонным теплом. Тишина была густой, теплой, пахшей хлебом и покоем. Я закрыл глаза, дав усталости разлить тягучий мрак под веками. И снова, словно сквозь легкую дым-

ку, увидел ее. Не принцессу из сказок, не богиню, сошедшую с небес, а простую девушку с большими глазами. Такую же, как те, что жили в нашем городе, стирали белье в реке, смеялись на рынке. Только забравшуюся слишком высоко и, похоже, уже жалеющую об этом.

«Держись там, - прошептал я, обращаясь к ней в пустоту, в этот безмолвный диалог с собственным воображением. - Не дай им сломать себя. Не забудь, как пахнет земля после дождя и как на вкус простое яблоко».

Потом я рассмеялся, горько и тихо, сам над собой. Разговаривать с призраком, созданным из чужих слов и собственной тоски - верный признак того, что ты переработал и твоему рассудку требуется отдых. Нужно просто выспаться. Завтра новый день, новые караваи, новые простые и понятные заботы.

Но ложась спать на узкую кровать в маленькой комнатке за пекарней, я еще долго смотрел в потолок, по которому прыгали отсветы ночного города, и перед глазами, как живая, стояли грустные глаза незнакомки. И щемящее, непонятное чувство тревоги, похожее на предчувствие бури, не проходило, оставаясь тяжелым камнем на душе.

Глава 10

Тардианис

Аромат Лилиан был густым и сладким, как от увядающих цветов. Дорогие духи, воск от свечей, запах ее кожи - все это создавало душную, знакомую атмосферу. Я стоял у камина, опершись о мраморную полку, и пил вино, стараясь заглушить внутреннее беспокойство.

Адель. Ее образ преследовал меня. Доверчивый взгляд за ужином, ее тихий смех, когда я рассказывал ей о драконьих повадках. В ее присутствии я чувствовал себя... иным. Более человеческим. И это пугало. Веками я был вождем, одиноким вершителем судеб. А теперь мое спокойствие зависело от улыбки нежной девушки из другого мира.

Лилиан подошла ко мне. На ней был лишь легкий шелковый халат, под которым угадывались соблазнительные изгибы тела.

- Ты сегодня далек, мой повелитель, - ее голос был ласковым. - Слишком много думаешь о своей новой игрушке.

- Она не игрушка, - отрезал я, не глядя на нее.

- О? А что же она? - Лилиан обвила руками мою шею сзади, прижалась к спине. Ее дыхание обожгло мне кожу. - Истинная пара? Сказка для простолюдинов. Ты - король-дракон. Твои инстинкты сильнее любой магической нити.

Ее слова попали в цель. Она всегда умела найти слабое

место. Мои инстинкты действительно бушевали. Но не от желания к ней. От противоречия. От необходимости выбрать между привычной, простой страстью и чем-то новым, сложным, настоящим. Она почувствовала мою нерешительность. Ее руки скользнули по моей груди, ловкими движениями расстегивая застёжки моей рубашки.

-Расслабься, Тардианис. Забудь о долге на час. Вспомни, каково это - быть просто мужчиной. Вспомни, что я могу дать тебе. То, чего не может дать неопытная девочка.

Ее пальцы были опытными, знающими каждую эрогенную зону моего тела. Она знала, как завести меня, как обойти защиту. Гнев, раздражение, тяжелые мысли - все это она мастерски направляла в одно русло: грубый, ни к чему не обязывающий секс.

И сегодня у нее это сработало. Во мне что-то сорвалось. Вся накопившаяся напряженность вылилась в ярость. Я резко развернулся, схватил ее за руки и оттолкнул к кровати. Она упала на спину, и в ее глазах вспыхнул не страх, а торжество. Она принимала эту игру.

- Вот так, - прошептала она, раздвигая полы халата, обнажая себя. - Вот какой ты настоящий.

Я навис над ней, мои губы нашли ее губы в жестоком, почти болезненном поцелуе. Это не было любовью. Это была попытка убежать от самого себя. Я срывал с нее одежду, мои прикосновения были грубыми, почти унижительными. А она... она отвечала мне с таким же остервенением. Ее ногти

впивались в мою спину, ее стоны были громкими, притворными, рассчитанными на то, чтобы льстить моему эго.

Я вошел в нее резко, без прелюдий. Ее тело было привычным, слишком привычным. В нем не было той трепетной новизны, что была в Адель. Не было доверия. Была лишь давно отработанная механика. И именно это мне и было нужно сейчас. Ощутить себя прежним. Холодным. Сильным. Свободным от сентиментальностей.

Мы занимались любовью - если это можно было так назвать - с молчаливой яростью. Я смотрел на потолок, стараясь не видеть ее лица, не слышать ее притворных стонов. Я думал о Адель. И от этого мои движения становились еще жестче.

И вот в самый неподходящий момент, когда я, зажмурившись, искал в памяти образ своей невесты, чтобы хоть как-то оправдать этот акт, дверь в покои с легким скрипом приоткрылась.

Сначала я не обратил внимания. Подумал, что это сквозняк или служанка. Но потом я почувствовал. То самое, что связывало меня с ней. Магическую нить. Она натянулась, как струна, и зазвенела от боли. Я замер и медленно повернул голову к двери.

В проеме, освещенная огнем свечей из коридора, стояла Адель. Она была в ночной сорочке, бледная как полотно. Ее глаза, такие доверчивые всего несколько часов назад, были огромными от ужаса. От непонимания. От предательства. В

одной руке она сжимала сверток - вероятно, какую-то мелкую вещицу, которую хотела мне показать, наивно решив порадовать перед сном. Наши взгляды встретились. В ее глазах я увидел не просто шок. Я увидел, как рушится целый мир. Ее мир. Тот, что она строила вокруг меня.

Она не сказала ни слова. Не закричала. Просто отшатнулась, как от удара, и выбежала прочь. Дверь захлопнулась. Я оттолкнул от себя Лилиан так резко, что она с криком ударилась о спинку кровати.

-Вон! - прорычал я, и в голосе моем зазвучал отголосок драконьего рева.

Она, испуганная, схватила халат и выскользнула из покоев.

Я остался один. Голый, липкий от чужих прикосновений, в комнате, пропахшей грехом. И с камнем на душе. Камнем, который давил так, что не было сил дышать. Она видела. Видела меня таким - грубым, животным, изменяющим ей с первой же придворной шлюхой. Все ее мечты, вся ее вера в меня разбились в прах за один миг.

Я подошел к тому месту, где она стояла, и поднял с пола маленький сверток. Это была забавная фигурка дракончика, вырезанная из дерева. Недорогая, но сделанная с душой. Подарок. Я сжал ее в кулаке, и дерево впилось мне в ладонь. Боль была ничтожной по сравнению с той, что разрывала мне грудь. Я не просто потерял ее доверие. Я убил ту невинность, что была в ней. И себя в ее глазах. Теперь оставалось только

ждать последствий. И я знал - они будут ужасны.

Глава 11

Адель

Мир сузился до пятна света от свечи в моей руке и до гулко-го эха моих шагов в каменных коридорах. Я бежала. Просто бежала, не зная куда, повинувшись одному инстинкту - бежать подальше от того ужаса, что я только что увидела.

Я хотела сделать ему сюрприз. Днем у одного уличного торговца я увидела красивый кулон из переливчатого, как огонь янтаря с впаянным золотым драконом внутри. Он был похожим на величественного Тардианиса. Я не удержалась и купила его. Решила принести ему перед сном. Хотела увидеть, как он улыбнется. Хотела еще раз почувствовать то счастье, что переполняло меня последние недели. Я шла по коридорам, сжимая в руке сверток, и улыбалась своей наивностью. Какая же я была дура. Глупая, доверчивая дура.

Дверь в его личные покои была приоткрыта. Я заглянула, чтобы не будить его, если он спит. И увидела. Увидела их. Голые тела, сплетенные в грубом акте. Его спину, которую я так ласкала. И над его плечом - лицо Лилиан. Ее глаза были закрыты от наслаждения, а на губах играла торжествующая улыбка.

Но хуже всего были не они. Хуже всего был звук. Тихий, довольный смешок Тардианиса. Тот самый смешок, которым он встречал мои неумелые ласки. Тот, что я считала знаком

нежности.

В глазах потемнело. Сердце не билось, а стонало, разрываясь на части. Я отшатнулась. Он услышал. Повернул голову. Наши взгляды встретились.

В его глазах я не увидела ни ужаса, ни раскаяния. Лишь досаду. Досаду человека, которого поймали на чем-то неприятном, но не смертельном. Как на краже печенья. Это было самое страшное. То, что для меня было крушением вселенной, для него было досадной оплошностью.

Я развернулась и побежала. Слепили слезы, в горле стоял ком. Я слышала, как он крикнул мое имя, как позвал меня. Но его голос звучал так далеко, будто доносился со дна глубокого колодца.

Я влетела в свои покои, захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, пытаюсь перевести дыхание. Все тело тряслось. По щекам текли горячие слезы, но я даже не замечала их. Перед глазами стояла та картина. Тот взгляд.

«Истинная пара». Какая насмешка. Для него я была просто еще одной забавой. Пока новая - интересной. А потом... потом он вернулся к привычному. К Лилиан. Ко двору. К своей настоящей жизни.

Мне стало физически плохо. Я едва успела добежать до умывальника, прежде чем меня вырвало. Я стояла, опершись о холодный мрамор, и рыдала, давась слезами и желчью. Семья? Любовь? Счастье? Все это было прахом.

И тут до меня дошло. Он сейчас придет сюда. Будет оправ-

дываться, лгать, говорить, что это ничего не значит. А я... я не смогу ему противостоять. Потому что я его люблю. Люблю так сильно, что эта любовь сейчас меня убивает. И я прощу его. Рано или поздно. И это унижение будет повторяться снова и снова. Нет. Только не это.

Мысль пришла внезапно, но была такой ясной и четкой, что тряска сразу прекратилась. Я должна уйти. Сейчас. Пока у меня есть силы. Пока я не сломалась окончательно. Я вытерла лицо, заставила себя дышать глубже. Действовала быстро, почти не думая. Сорвала с себя шелковое платье и надела самое простое, какое нашла в гардеробе - темное, без украшений, из грубой ткани. Спрятала волосы под капюшон плаща. Из ящика взяла небольшой кинжал - подарок Тардианиса, иронично. И, самое главное, сунула в карман небольшой мешочек. В нем было несколько золотых монет, которые я припрятала от скуки, и несколько украшений.

Я прислушалась. За дверью послышались шаги. Тяжелые, быстрые. Его шаги. Он уже близко.

Я бросилась к двери для слуг, ведущая в узкие, темные коридоры внутри стен дворца. Проскользнула в нее буквально за секунду до того, как дверь в мои покои с грохотом запахнулась.

- Адель!

Его голос, полный отчаяния и гнева, прозвучал совсем рядом. Я прижалась к холодной стене узкого хода, затаив дыхание. Сердце стучало так, что, казалось, его слышно на весь

дворец.

- Найти ее! Немедленно! - закричал он кому-то. Послышалась беготня, крики стражников.

Мне нельзя было медлить. Я побежала по темному лабиринту, спотыкаясь о неровности пола, натываясь на паутину. Я не знала, куда ведет этот путь, но он был моим единственным шансом.

Через несколько минут я увидела впереди свет. Лунный свет. Я вышла к решетке, за которой виднелся сад и дальше - внешняя стена дворца. Решетка была заперта, но замок старый, ржавый. Я изо всех сил дернула его, и с треском он поддался.

Еще несколько минут - и я была у стены. Здесь была маленькая калитка, через которую вывозили мусор. Она тоже была заперта, но стражников рядом не было. Все бросились искать беглянку внутри дворца. Перелезла через калитку, поранив руки о железо, и оказалась по ту сторону. Оглянулась в последний раз. Дворец Тардианиса возвышался в ночи, огромный и прекрасный. Там осталась моя любовь. Мои мечты. Потом развернулась и побежала вниз, по тропинке, ведущей от дворца в спящий город. Я не знала, куда бегу. Знало только мое тело - прочь от боли. Прочь от предательства.

Глава 12

Валериан

Сон не шел. Я ворочался на своей простой кровати в комнате над пекарней, прислушиваясь к привычным ночным звукам - скрипу половиц, гулу ветра в печной трубе, далекому лаю собак. Но сегодня к ним примешивалось что-то еще. Какое-то беспокойное ощущение в воздухе, будто перед грозой. Я списал это на усталость и навязчивые мысли о королевской невесте, которые не давали мне покоя все это время.

Под утро я сдался, поднялся и начал готовиться к работе. Замешивать тесто в тишине и одиночестве, пока город еще спит, было моим любимым ритуалом. Это успокаивало. Я разжег печь, и знакомое тепло стало разливаться по пекарне, прогоняя ночной холод.

Было еще темно, когда я услышал стук в дверь. Не обычный стук торговца или раннего покупателя, а отчаянный, неровный. Кто-то царапался в дерево, словно пытаясь выломать его. Я нахмурился, взял тяжелый скалку на всякий случай и приоткрыл дверь.

На пороге стояла она. Вернее, это была тень девушки. Вся в грязи, платье порвано в нескольких местах, на руках - ссадины. Из-под капюшона выбивались светлые пряди волос. Она тяжело дышала, широко раскрытые глаза были полны такого ужаса, что у меня сердце упало.

- Помогите... - выдохнула она, и ее ноги подкосились.

Я успел подхватить ее, не давая упасть. Она была легкой, почти невесомой. Я занес ее внутрь, захлопнул дверь и усадил на лавку у печи. Она дрожала, как в лихорадке.

- Успокойтесь, вы в безопасности, - сказал я, наливая ей кружку воды. - Выпейте.

Она с жадностью прильнула к воде, проливая половину на себя. Только теперь, при свете печи, я разглядел ее лицо. Манжета на рукаве ее платья задралась и я увидел золотой узор. Внутри все задрожало. Я понял. Это была та самая девушка. Королевская невеста. Но сейчас в ней не было ничего королевского - только абсолютное, животное отчаяние.

- Они... они ищут меня, - прошептала она, сжимая кружку дрожащими пальцами.

- Кто? - спросил я, хотя прекрасно понимал.

- Стража... Тардианис... - при упоминании его имени по ее лицу пробежала судорога. Она снова начала задыхаться.

Я положил руку ей на плечо. Она вздрогнула, но не отстранилась.

-Никто вас здесь не найдет. Дышите глубже.

Я подбросил в печь дров, чтобы было теплее, и накинул на ее плечи свой старый, но чистый плащ. Пока она приходила в себя, я быстро смел все следы грязи у двери и запер ее на засов. Мои мысли лихорадочно работали. Что произошло? Почему она бежит? Но задавать вопросы сейчас было жестоко.

Она сидела, сгорбившись, и молча смотрела на огонь. Слезы беззвучно текли по ее грязным щекам. Я молча поставил на жарочную плиту молоко, чтобы согреть.

Вдруг снаружи послышался топот копыт и грубые крики. Она метнулась, словно загнанный зверь, глаза снова наполнились паникой.

- Это они! - ее шепот был полон ужаса.

Я быстро окинул взглядом пекарню. Спрятать ее было негде. Кроме одного места. Я отодвинул большой мешок с мукой, за которым была небольшая ниша - моя потайная кладовка для самых ценных запасов.

- Сюда, быстро! - я подтолкнул ее к нише. - Не шумите.

Она забилась в темный угол, а я задвинул мешок на место, как раз когда в дверь постучали прикладом меча.

- Открывай! Королевская стража!

Я сделал вид, что только что проснулся, потер глаза и открыл дверь.

На пороге стояли трое стражников в латах. Их начальник, грубый детина с шрамом на щеке, шагнул вперед.

- Мы ищем беглянку. Молодая, светловолосая. Ты не видел?

- В такую-то рань? - я зевнул. - Да я только печь растопил. Кроме мышей, никого не видел.

Он внимательно оглядел пекарню. Его взгляд скользнул по мешкам, по печи, по мне.

- Она могла пробегать мимо. Если что - сразу сообщай. За

сокрытие беглянки - смерть.

Они ушли, громко топая. Я подождал, пока звук копыт не затих вдаль, и только тогда отодвинул мешок. Она сидела, прижавшись коленями к груди, и все еще дрожала.

- Ушли? - ее голос был беззвучным шепотом.

- Ушли. Пока.

Я помог ей выбраться, усадил обратно к печи и налил подогретого молока. Она взяла кружку обеими руками, стараясь унять дрожь.

- Спасибо вам, - она подняла на меня глаза. И в них, помимо страха, я увидел что-то еще. Благодарность. И удивление. Она не ожидала помощи.

- Меня зовут Валериан, - сказал я. - А вас?

Она на мгновение замялась, будто вспоминая свое имя.

- Адель.

- Адель, - повторил я. Имя подошло ей. - Вы сейчас в безопасности. Можете остаться здесь, сколько потребуется.

Она кивнула, и в ее глазах блеснули новые слезы, но теперь - от облегчения. Я отвернулся, чтобы дать ей время прийти в себя, и принялся раскатывать тесто, которое начал до ее прихода. Привычные движения успокаивали и меня, и, кажется, ее. Звук раскатывания теста, теплый запах печи - все это было простым, понятным, земным. Полной противоположностью тому кошмару, из которого она сбежала.

Я украдкой наблюдал за ней. Она сидела, закутавшись в мой плащ, и медленно успокаивалась. Дрожь прошла, дыха-

ние выровнялось. Она смотрела на мои руки, месящие тесто, и в ее взгляде было какое-то забытое умиротворение.

Я не знал, что случилось во дворце. Не знал, почему королевская невеста бежит от своего жениха как от палача. Но я знал одно: я не выдам ее. Что бы ни случилось. Потому что в ее глазах я увидел ту самую простоту и боль, которые тронули меня еще тогда, когда я только услышал о ней. И сейчас она была не королевской невестой. Она была просто испуганной девушкой, которой нужна была защита. И я был готов ее дать.

Глава 13

Адель

Первый день в пекарне прошел в оцепенении. Я сидела на лавке, закутавшись в грубый плащ Валериана, и не могла думать ни о чем, кроме того, что я видела. Картина предательства стояла перед глазами, жгла изнутри. Я ела теплый хлеб, который он мне дал, и пила чай. Хлеб был вкусным, пах солнцем и жизнью, но я почти не чувствовала вкуса. Вкус был прахом на языке, и каждый глоток чая обжигал горло, будто слезами. Мир сузился до размеров этой кухни, до треска поленьев в печи и до тяжелого, сладковатого запаха старого теста, который, казалось, навсегда впитался в стены. Я была пустой скорлупой, и единственным, что хоть как-то удерживало меня от полного распада, был грубый шерстяной плащ, пахнувший дымом и мукой – запах простой, честной жизни, в которую я больше не верила.

На следующее утро я проснулась с четким осознанием: я не могу сидеть сложа руки. Мои руки созданы для работы, не для того, чтобы безвольно лежать на коленях. Боль и унижение требовали выхода. И единственным лекарством, которое я знала, была работа. Это осознание пришло не как озарение, а как приказ, отданный самой себе в предрассветной тишине маленькой комнатки под крышей. Я смотрела на свои руки, на тонкие пальцы, знавшие вес скалки и упру-

гость хорошо вымешанного теста, на ладони, хранившие память о температуре сахарного сиропа. Они не дрожали. Они просили дела.

Я спустилась вниз, где Валериан уже растапливал печь. Запах дров и теплого камня встретил меня как старый друг. Воздух был густым и горячим, дрожал над раскаленной чугунной плитой. Он ловко орудовал длинной деревянной лопатой, его спина, широкая и сильная, была ко мне повернута. В этом простом, привычном для него действии была такая уверенность, такая безыскусная гармония, что мое собственное смятение на мгновение отступило, уступив место тихому, почти благоговейному наблюдению. Он был частью этого места, его ритма, его души.

- Доброе утро, - сказал он, кивнув на кружку с чаем на столе. - Чай готов. Его голос был низким, немного хриплым от утренней прохлады, и в нем не было ни капли той сладковатой, ядовитой учтивости, к которой я привыкла при дворе.

- Доброе утро, - ответила я, и, сделав глоток горячей жидкости, добавила тверже. - У вас есть яблоки? - чай обжег губы, но этот жар был живительным, он вернул меня в реальность, в это «здесь и сейчас».

Он поднял брови, удивленный вопросом. В его глазах мелькнуло легкое недоумение, но не неодобрение, а скорее любопытство.

- Яблоки? Конечно, в погребе. Но они для начинки, не самые лучшие. Немного сморщенные, прошлогодние, но сла-

дости в них еще достаточно.

- Они подойдут, - я посмотрела ему прямо в глаза, пытаюсь вложить в свой взгляд всю решимость, на которую была способна. - Я хочу сделать кое-что. В знак благодарности. Я была кондитером. В моем мире я делала яблочную пастилу. Произнеся это слово, я словно бросила в тишину пекарни маленький камень, и теперь ждала, пойдут ли по воде круги.

Валериан на мгновение замер, его спокойное лицо выразило легкое недоумение. Он поставил лопату, прислонив ее к теплой кирпичной кладке печи, и повернулся ко мне полностью, вытирая руки о запыленный фартук.

-Пастилу?- переспросил он, как бы проверяя, правильно ли расслышал слово. - Что это?

Его реакция была для меня как ушат холодной воды. Я с такой тоской вспоминала свой товар, что подсознательно ожидала, что все знают, что это такое. Но здесь, в этом мире, его не было. Это было не просто незнакомое слово; это была дыра в реальности, провал, в который рухнула часть моего прошлого, моего мастерства. Я ощутила острое, почти физическое чувство потери.

- Это... - я попыталась найти слова, подобрать аналогии, но мой словарный запас казался скудным и беспомощным. - Как сладость. Из фруктового пюре и сахара. Оно застывает, становится упругим, его можно резать на кусочки. Оно... - я замолчала, понимая, что объяснения бедны. Как описать вкус неба тому, кто никогда не отрывался от земли?

Валериан смотрел на меня с искренним интересом, без насмешки. Его взгляд был внимательным, изучающим. Он видел не сумасбродную женщину, а коллегу, предлагающую нечто новое.

-Никогда не слышал о таком, - признался он честно. - У нас есть цукаты, мед, варенье. Но пастила... Звучит интересно.

В его голосе прозвучала не вежливость, а живая заинтересованность ремесленника, сталкивающегося с неизвестной ему техникой. Его интерес придал мне смелости. Во мне что-то дрогнуло, камень с души сдвинулся с места.

-Дайте мне яблоки, сахар, немного лимонного сока, если есть, и чистую поверхность. Я покажу.

Я уже чувствовала в пальцах привычное движение, видела внутренним взором весь процесс, от первого до последнего шага. Он, не споря, кивнул и через несколько минут принес из погреба корзину с небольшими, чуть сморщенными, но вполне пригодными яблоками. Валериан выделил мне угол стола, самый большой и прочный, заскоблил его до чистого дерева и принес еще один таз с водой. А потом отошел в сторонку и молча наблюдал, как я мою фрукты, разрезаю их, не счищая кожуры, и начинаю готовить пюре в медном тазу на печи. Его молчание было тактичным, ненавязчивым, но я чувствовала его взгляд на себе – внимательный, оценивающий.

Я погрузилась в работу. Знакомые движения успокаивали

разум. Шум кипящего пюре, кисло-сладкий запах яблок и корицы - все это было моим миром, моим убежищем. Я забывалась, перестала думать о Тардианисе, о дворце. Были только я и процесс созидания. Я протираала горячее пюре через сито, отделяя мякоть от кожицы и семян, и этот монотонный, почти медитативный процесс был лучшим лекарством. Я добавляла сахар, каплю лимонного сока, который Валериан раздобыл из заветной бутылочки, и снова возвращала таз на огонь, чтобы уварить массу до нужной консистенции. Я стояла над паром, который пах детством и безопасностью, и понемногу лед внутри меня начинал таять.

Валериан подошел ближе, когда я уже растягивала густое остывшее пюре тонким слоем на смазанном маслом пергаменте. Он смотрел, как я разравниваю массу широким ножом, добиваясь идеально ровного, почти прозрачного на свету слоя.

-Никогда не видел ничего подобного, - произнес он с нескрываемым любопытством. - Оно должно засохнуть? Не испечься, а именно засохнуть?

- Да, - кивнула я. - На воздухе. За ночь. Тогда его можно будет разрезать. Я поставила противень с пастилой на высокую полку, в самое теплое и сухое место у печи, где ее не потревожит случайное движение.

На следующее утро я с замиранием сердца подошла к своему творению. Я боялась, что влажность в пекарне испортит все, что технология не сработает в этом мире, что я потерп-

лю неудачу и мой хрупкий островок уверенности рухнет. Но нет. Пласт стал плотным, упругим, не липким. Я провела по нему пальцем - идеально. Он был матовым, гладким и слегка пружинил под пальцами. Острым ножом я нарезала его на ровные квадратики и, волнуясь, протянула один Валериану. В этом маленьком квадратике была частица моей души, моего прошлого, моего «я».

Он взял кусочек, осторожно рассмотрел его на свет, потом откусил. Его глаза широко раскрылись от удивления. Он медленно прожевал, и на его лице появилось выражение глубокой задумчивости, будто он анализировал новый, незнакомый вкус.

-Но это же... - он не сразу нашел слова. - Это совсем другой вкус! Не как у варенья. Он... воздушный. И яблочный вкус такой яркий! Будто ешь не вареное яблоко, а самое его сущность.

Он съел весь квадратик и посмотрел на меня с новым, глубоким уважением. Это был взгляд не благодетеля на несчастную беженку, а мастера на мастера.

-Адель, это... это настоящее мастерство. Я никогда не пробовал ничего подобного. В его словах не было лести, только констатация факта, и от этого похвала была в десять раз ценнее.

Его искренняя реакция тронула меня до глубины души. После дворца, где мои скромные умения считались «милым хобби», его оценка значила больше, чем все королевские по-

хвалы. Это была оценка коллеги, человека, который понимал толк в ремесле. Во мне что-то расправилось, выпрямилось.

- Это просто пастила, - смущенно пожала я плечами, но внутри все пело от гордости. От того, что я смогла. От того, что мой труд, мое искусство были поняты и приняты.

- Нет, это не «просто», - возразил Валериан, и в его голосе зазвучали новые, деловые нотки. - Это новое. Людям это понравится.

Он уже смотрел на аккуратные ряды пастилы не как на диковинку, а как на товар, на потенциальный хит его пекарни. В его словах прозвучала не только похвала, но и деловая хватка. И в этот момент я поняла, что он предлагает мне не просто кров. Он предлагает партнерство. Шанс начать все заново, но на своих условиях. Используя свое умение, которое было моей сутью. Не притворяться, не подстраиваться, а быть собой – кондитером Адель.

Я посмотрела на аккуратные ряды квадратиков пастилы, на муку на своих руках, на доброе, открытое лицо пекаря, и впервые за долгое время улыбнулась не из вежливости, а по-настоящему. Возможно, моя жизнь не закончилась в том дворце. Возможно, она только начинается здесь, в этой пахнущей хлебом пекарне, с простым и честным человеком, который оценил меня не за статус, а за дело моих рук.

- Может, попробуем продавать? - тихо предложила я.

Валериан улыбнулся в ответ.

-Обязательно попробуем.

Глава 14

Тардианис

Я сидел на троне, сжимая в руке того самого дракончика, и не видел ничего перед собой. Только ее глаза. Глаза, полные ужаса и крушения всего мира. Этот взгляд жег меня изнутри сильнее, чем мое собственное пламя. Деревянная игрушка, такая смешная и хрупкая, впивалась острыми краями в ладонь, но эта физическая боль была ничто по сравнению с тем огнем, что пожирал мою сущность. Я снова и снова перематывал в памяти тот миг: как дверь распахнулась, как застыла она на пороге, как рухнул тот хрупкий мир доверия, что мы с таким трудом начали строить. Я не просто ошибся. Я совершил надругательство над тем, что было для нее единственной опорой в этом чужом мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.